

Патрушев Сергей

Призрак прошлого.
Пыль на его ладони

Сергей Патрушев

**Призрак прошлого.
Пыль на его ладони**

«Автор»

2026

Патрушев С.

Призрак прошлого. Пыль на его ладони / С. Патрушев —
«Автор», 2026

Игорь лишь ошибка в коде, сбой, выпавший из трещины в небе на берег мёртвого моря. Пытаясь сбежать от пустоты офисной жизни, он теряет себя в Межзеркалье — архиве чужих сожалений. Здесь он встречает Аглаю — призрак из XIX века, рассыпающийся в пыль от каждого искреннего прикосновения. Но кто она на самом деле: застрявшая во времени душа или лишь отголоском его собственного, недописанного романа? Чтобы спасти её, Игорю придётся переписать законы физики и собственную память. Но удерживая чужую жизнь, не растворится ли он сам в сером тумане небытия, став просто ещё одной строкой в бесконечном отчёте Вселенной?

© Патрушев С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Трещина в небе	5
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Сергей Патрушев

Призрак прошлого. Пыль на его ладони

Глава 1. Трещина в небе

Солёная пыль скрипела на зубах, хотя Игорь ещё не дошёл до кромки прибоя. Он глубоко вдыхал влажный, стылый воздух, пытаясь вытолкнуть из лёгких остатки душного офиса, мёртвого света люминесцентных ламп и запаха остывшего кофе из пластикового стаканчика. Пятница закончилась, но свобода, о которой он мечтал последние сорок часов, не принесла облегчения. Она принесла лишь звенящую, оглушающую пустоту.

Он приехал сюда, на этот заброшенный осенний пляж в сорока километрах от города, почти инстинктивно. Здесь не было спасателей, ярких зонтиков и визжащих детей. Только бесконечная серая полоса мокрого песка, остовы летних грибков, похожие на скелеты доисторических животных, и тяжёлое, свинцовое море. Игорь сбросил кроссовки, связал шнурки и перекинул обувь через плечо. Холодный песок приятно обжигал уставшие ступни, возвращая в тело забытое ощущение реальности.

Он шёл вдоль берега, глядя под ноги. Пляж был усеян странным мусором, принесённым недавним штормом: не пластиковыми бутылками, а узловатыми корягами, гладкими, как кости, камнями и клочьями тёмно-бурой морской капусты. Каждая волна накатывала тяжело, с глухим, утробным вздохом, и отступала, с шипением затягивая песок обратно в пучину. Этот ритм обычно успокаивал. Ритм, который был здесь до человечества и останется после.

Но сегодня море звучало иначе.

Сначала Игорь решил, что у него просто звенит в ушах от переутомления. Низкий, вибрирующий гул, который нарастал не снаружи, а где-то глубоко внутри черепной коробки. Он остановился, прижал ладони к вискам и тряхнул головой. Гул не исчез. Он пульсировал в такт сердцу, становясь то чуть выше, напоминая звук трансформаторной будки, то проваливался в инфразвук, от которого начинало подташнивать.

Игорь поднял глаза.

Горизонт всегда казался ему самой стабильной вещью в мире. Линия, где серое сливается с серым. Но сейчас эта линия жила. Она дрожала мелкой, нервной рябью, словно воздух над раскалённым асфальтом в июльский полдень.

Марево.

Игорь замер. Это было физически невозможно. Солнце едва пробивалось сквозь плотную пелену облаков, на улице было едва ли пять градусов выше нуля. Воздух был ледяным, он царапал горло, и от него шёл пар. Никаких тепловых потоков, способных создать мираж, здесь быть не могло.

Он прищурился, пытаясь сфокусировать взгляд. Дрожь на горизонте усиливалась. Она больше не была горизонтальной. Линия изломалась, пошла волнами вверх и вниз, словно кто-то невидимый и огромный провёл рукой по краю реальности, смазывая краску на не успевшем высохнуть холсте.

— Этого не может быть, — вслух сказал Игорь. Его собственный голос прозвучал глухо и неуверенно, тут же поглощённый странным, нарастающим гулом.

Он потёр глаза костяшками пальцев до цветных пятен. Старый, проверенный способ прогнать наваждение. Досчитал до десяти. Открыл глаза.

Марево не исчезло. Оно стало плотнее. Теперь дрожал не только горизонт. Зыбкая, радужная плёнка, похожая на бензиновые разводы в луже, ползла по небу. Она пожирала низ-

кие облака, и те, попадая в её границы, не растворялись, а рассыпались на миллионы крошечных, медленно вращающихся чёрных кристалликов.

Игорь почувствовал, как ледяной пот выступает на спине, несмотря на пронизывающий ветер. Это не было похоже на мигрень. При ауре перед глазами обычно пляшут зигзаги, здесь же менялась сама геометрия пространства. Он вытянул руку вперёд, растопырив пальцы. Его ладонь казалась непропорционально огромной, а линия горизонта за ней изгибалась, повторяя контур его плоти, словно мир был сделан из густого, податливого желе.

Звуки моря исчезли.

Глухой вздох прибоя не оборвался резко — он словно вывернулся наизнанку. Шипение отступающей волны превратилось в скрежет миллиардов мелких гвоздей по стеклу. Низкий гул, который Игорь принимал за шум в ушах, обрёл объём. Теперь он шёл со стороны дрожащего горизонта. Это был звук колоссального напряжения, звук натянутой до предела струны, которая вот-вот лопнет.

Игорь сделал шаг назад. Песок под ногой просел как-то неправильно, слишком глубоко, и звук этого проседания — чавкающий, влажный — тоже был искажён. Он длился дольше, чем должен был, затихая эхом, которого не могло быть на открытом берегу.

Он моргнул. Когда веки поднялись, привычного пляжа не было.

Серая пелена никуда не исчезла, но она сменила текстуру. Влажный песок под ногами стал твёрдым, как спекшаяся глина, и издавал при каждом шаге высокий, стеклянный звон. Игорь посмотрел вниз и отшатнулся. Его собственная тень, которую должно было отбрасывать его тело в рассеянном свете, вела себя неестественно. Она вытянулась вперёд на добрых три метра, хотя солнце скрывалось за облаками, и пульсировала, словно пытаясь отделиться от хозяина.

Игорь резко обернулся.

Там, где за спиной должны были остаться дюны и редкий, чахлый кустарник, теперь возвышалась стена. Она не была построена из камня или бетона. Она казалась сгустившимся, застывшим пространством. Абсолютно чёрная, лишённая текстуры, она уходила вертикально вверх, пробивая свинцовые облака и исчезая где-то в стратосфере. У стены не было краев — она просто обрывала мир, за ней не было ни неба, ни земли, только вязкая, антрацитовая пустота, которая, казалось, втягивала в себя остатки света.

Воздух стал густым. Каждый вдох давался с трудом, словно Игорь пытался дышать остывшим свинцом. Запах соли и йода исчез. Теперь пахло свежестью, как после удара молнии, и чем-то ещё сладковатым, тошнотворным запахом горелой изоляции и старого, пыльного бархата.

Игорь открыл рот, чтобы закричать, но из горла вырвался только сиплый хрип. Звук тут же упал в чёрную стену и не вернулся. Эха не было. Вообще. Мир вокруг стал пугающе акустически стерильным. Даже звон его шагов по стеклянной глине мгновенно обрывался, не пролетев и десятка сантиметров.

Он посмотрел на свои руки. Они дрожали. Мелкой, старческой дрожью. Кожа на костяшках пальцев натянулась и приобрела странный, перламутровый оттенок. Вены под ней потемнели, превратившись в тонкие графитовые нити.

«Инсульт, — пронеслось в голове панической, спасительной мыслью. — Острая фаза. Галлюцинации, искажение звука. Сейчас упаду, и всё закончится».

Эта мысль принесла секундное облегчение. Мозг отчаянно цеплялся за физиологию, за понятную, описанную в медицинских справочниках смерть, лишь бы не признавать того, что видели глаза.

Игорь сделал ещё один шаг назад, прочь от чёрной стены, и упёрся спиной во что-то твёрдое. Он резко обернулся, выставив перед собой руки. Это был не кустарник.

Прямо за ним, там, где минуту назад шумел прибой, теперь рос лес. Но это были не сосны и не березы, которые должны были расти в этой местности. Стволы деревьев представляли собой гладкие, полупрозрачные трубки, наполненные медленно пульсирующей золотистой жидкостью. Вместо листьев с ветвей свисали длинные, похожие на щупальца осьминога нити, которые на концах раскрывались сложными, геометрически правильными соцветиями.

Эти соцветия не цвели — они тихо пели. Тот самый инфразвук, который Игорь слышал вначале, теперь обрёл тональность. Лес гудел на низкой, торжественной ноте, и от этого гудения вибрировали кости.

Игорь сполз на землю. Глинистый звон от соприкосновения его тела с поверхностью прозвучал диссонансом в этой нечеловеческой симфонии. Он подтянул колени к груди, обхватил голову руками и зажмурился так сильно, что перед глазами поплыли белые пятна.

— Не бывает, — зашептал он, раскачиваясь. — Так не бывает. Пляж. Море. Офис. Понедельник. Кофе.

Он начал бормотать свой привычный маршрут, как мантру. Метро «Технологический институт», пересадка на «Сенную», три пролёта по лестнице, карточка-пропуск, пробки, ужин, сон. Якоря реальности.

Он заставил себя разжать веки. Чёрная стена никуда не делась. Пульсирующий лес тоже стоял на месте. Но теперь Игорь заметил изменения в небе. Трещина.

Она появилась прямо в зените, разорвав свинцовую пелену облаков. Не была похожа на просвет или дыру. Это был именно разлом. Края реальности в этом месте были рваными, неровными, и сквозь них сочился свет. Но это был не солнечный свет. Он не имел источника, не создавал теней. Это было чистое, математическое сияние, густого, тёмно-фиолетового цвета, в котором, если долго вглядываться, можно было различить медленно вращающиеся фрактальные узоры.

Из трещины начало что-то сыпаться.

Это не был дождь. Крупные, тяжёлые хлопья падали абсолютно бесшумно, нарушая законы гравитации — они не летели вниз по дуге, а опускались строго вертикально, с одинаковой, неестественно выверенной скоростью.

Хлопья напоминали пепел, но были тяжёлыми, как свинец. Они ложились на стеклянную глину пляжа, на чёрные стены и пульсирующие деревья, и там, где они касались поверхности, материал начинал меняться.

Стеклянная глина под ногами Игоря вдруг потеряла свою твердость. Она пошла мелкой рябью, как вода от брошенного камня, и начала медленно закипать, превращаясь в густой, тёмно-синий туман. Туман пах детством — теми редкими летними грозами, когда можно было выбежать на балкон и дышать до головокружения.

Игорь вскочил на ноги. Страх никуда не делся, но он трансформировался. Паника парализует, а животный ужас заставляет бежать. Он рванул в сторону моря. Туда, где, как ему казалось, ещё оставался его мир.

Бежать было тяжело. Ноги вязли в синем тумане, который теперь доходил ему до колен. Каждый шаг требовал невероятных усилий, словно он двигался под водой. Игорь оглянулся через плечо. Чёрная стена начала осыпаться.

Она не рушилась с грохотом — просто истончалась, как сгоревшая бумага, и сквозь прогалы на Игоря смотрела абсолютная, непостижимая пустота. В этой пустоте не было звёзд. В ней не было даже темноты. Там было отсутствие самого понятия «быть».

Из этой пустоты потянуло холодом. Не физическим морозом, который щиплет щеки, а экзистенциальным холодом, вымораживающим саму душу. Игорь почувствовал, как его воспоминания начинают крошиться. Образ монитора с таблицами стал плоским, бумажным, а затем рассыпался в труху. Он вдруг с ужасом осознал, что не может вспомнить номер своего телефона. Затем имя начальника, название улицы, на которой жил.

— Нет! — закричал он, выплёвывая синий туман. — Я есть! Я — Игорь!

Он заставил себя вспомнить лицо матери. Оно всплыло в памяти нечётким, размытым пятном, но это было что-то настоящее. Вцепился в этот образ мысленными пальцами, как утопающий в обломок доски.

Внезапно туман перед ним расступился.

Игорь вылетел на свободное пространство и по инерции пробежал ещё несколько шагов, пока не споткнулся обо что-то мягкое. Он упал, ободрав ладони о твёрдый песок, и тут же перевернулся на спину.

Море вернулось.

Прямо перед ним, в десяти метрах, тяжело и привычно дышал Финский залив. Серые волны, свинцовое небо, крики чаек. Обычный, промозглый, невыносимо прекрасный в своей обыденности осенний пейзаж.

Игорь судорожно втянул воздух. Он пах солью и бензином — где-то вдалеке, за дюнами, проходила трасса.

Он был на своём пляже.

Туман за его спиной исчез вместе с пульсирующим лесом. Чёрной стены не было. Над головой только низкие, беременные дождём облака. Игорь перевернулся на живот, дрожа всем телом, и подполз к самой кромке воды. Он опустил руку в ледяную воду. Вода была мокрой. Она была невыносимо, до боли реальной.

Это был откат. Приступ. Самая чудовищная мигрень в его жизни, наложившаяся на переутомление. Мозг просто отключился на несколько секунд, подарив ему полноценную, высокодетализированную галлюцинацию. Такое бывает. Он читал об этом.

Игорь сел на песок, обхватив мокрые колени. Сердце колотилось где-то в горле, пытаясь пробить ребра. Он был здесь, поднял глаза, чтобы ещё раз убедиться в нормальности мира, и поперхнулся собственным дыханием.

Чайки.

Две крупные серебристые чайки сидели на мокром песке в нескольких шагах от него. Они сидели абсолютно неподвижно, повернув головы набок. Это было бы нормально, если бы не одно обстоятельство.

У них не было глаз.

Вместо глазных яблок под перьями зияли идеально ровные, круглые отверстия, уходящие глубоко в череп. Из этих отверстий не текла кровь. Из них, медленно вращаясь по спирали, поднимались струйки того самого тёмно-фиолетового фрактального света, который он видел в трещине неба.

Игорь замер, боясь пошевелиться.

Одна из птиц медленно, с механическим, неестественным изяществом повернула голову в его сторону. Раздался сухой щелчок — так ломается сухая ветка. Клюв птицы приоткрылся, но она не издала крика. Из глотки полился тот самый низкий, трансформаторный гул, который Игорь слышал в самом начале на берегу.

Вторая птица повторила движение. Теперь они оба смотрели на него своими светящимися пустыми глазницами.

Игорь начал отползать назад. Песок цеплялся за одежду, не пуская его. Он отталкивался пятками, не сводя взгляда с птиц. Чайки не взлетали. Они просто сидели и гудели, и этот звук вибрировал в его зубах.

Он почувствовал, как что-то коснулось его затылка. Игорь резко обернулся, вскрикнув.

За его спиной, прямо из воздуха, формировалась арка. Она не вырастала из земли. Просто сгущалась, как графитовая пыль, на долю секунды становясь плотной, а затем обретая монолитность. Это была часть той самой чёрной стены. Арка была высотой в два человеческих

роста, и из неё не сквозило пустотой. Оттуда шёл тусклый, рассеянный свет, похожий на освещение в операционной.

Игорь вскочил на ноги. Инстинкт кричал, что нужно бежать к трассе, к людям, к машинам. Но ноги сами сделали шаг в сторону арки. Затем ещё один.

Его тянуло туда. Не любопытство, не желание разгадать тайну — это было сродни действию мощного магнита на железную стружку. Соппротивление требовало физической боли. Каждый шаг прочь от арки отзывался в висках раскалёнными спицами. Шаг в сторону арки, наоборот, приносил странное, извращённое облегчение. Страх никуда не делся, но он отступал на второй план, уступая место абсолютной, звенящей неизбежности.

— Не надо, — прошептал Игорь, но его голос прозвучал равнодушно. Словно говорил не он, а кто-то другой, использующий его голосовые связи.

Он подошел к арке вплотную. Холод, исходящий от неё, стал обжигающим. Игорь поднял руку и коснулся края.

Камень был не камнем. Под пальцами поверхность была мягкой, тёплой и пульсировала в такт его собственному сердцу. От прикосновения по арке пробежала легкая радужная рябь.

Из глубины прохода донёсся звук. На этот раз не гул. Человеческий голос. Он звал его по имени.

— Игорь.

Голос был тихим, знакомым и абсолютно лишённым эха. Так могла бы говорить его собственная совесть, если бы у неё были связи. В нём не было угрозы, а было бесконечное, всепрощающее понимание.

Игорь сделал последний шаг.

Не шагнул в пустоту. Он шагнул в плотный, вязкий свет. На секунду мир сжался в точку, вывернулся наизнанку, и Игорь почувствовал, как его тело перестаёт существовать, распадаясь на триллионы холодных, разумных атомов. Не было боли. Было лишь ощущение тотальной, окончательной разборки.

А затем сборка. Он стоял на твердой поверхности.

Звук моря исчез окончательно. Не было и ветра. Воздух здесь был сухим, тёплым, но без примеси сладковатой гари. Это был запах чистого, только что созданного пространства.

Игорь открыл глаза.

Он стоял в центре идеально круглой площади. Под ногами был не камень и не песок, а что-то похожее на отполированный до зеркального блеска обсидиан. В этом зеркале не отражалось ничего. Ни его фигуры, ни неба. Чёрная поверхность просто поглощала свет.

Небо над площадью было цвета застывшего перламутра. На нём не было солнца, но источник света присутствовал. Он был везде и нигде одновременно, заливая пространство ровным, бестеневым сиянием.

Игорь посмотрел на свои руки. Они больше не дрожали. Кожа приобрела нормальный оттенок, но когда он сжал пальцы в кулак, движение показалось ему слишком плавным, слишком точным. Словно он управлял не своим телом, а высокотехнологичным аватаром, и задержка между мыслью и действием сократилась до нуля.

— Ты прошёл сквозь Трещину, — сказал тот же голос, что звал его из арки.

Игорь резко обернулся.

Вокруг площади стояли люди. Десятки, может быть, сотни. Мужчины и женщины. Все они были одеты в простую, светлую одежду, напоминающую льняные туники. Они стояли молча, не двигаясь, и смотрели на него.

Игорь взгляделся в их лица, ожидая увидеть ужас, восторг или хотя бы любопытство. Но лица были пустыми. Не безликими — черты были на месте, — но лишёнными всякого выражения. Как у манекенов высшего класса. И глаза. У всех были одинаковые глаза — светло-серые, почти прозрачные, без зрачков. Сплошная стеклянная радужка.

— Где я? — хрипло спросил Игорь. Его голос прозвучал громко и одиноко, отразившись от невидимых стен.

Толпа не шелохнулась.

— Дома, — ответил голос.

На этот раз он исходил не от людей. Он был частью самого воздуха, вибрировал в костях Игоря. Прямо перед ним, шагах в пяти, воздух сгустился чуть сильнее, чем в других местах. Из перламутрового ничто соткалась фигура.

Это был высокий мужчина неопределённого возраста. На вид ему можно было дать и тридцать пять, и пятьдесят. У него было правильное, красивое лицо, которое Игорь никогда раньше не видел, но которое почему-то казалось родным. Одет он был так же, как и остальные, но на его плечах лежал плащ, сотканный, казалось, из самой тьмы арки, через которую прошёл Игорь. Плащ не падал складками, он медленно клубился, словно живой дым, и в его глубинах мерцали те самые фрактальные фиолетовые узоры.

— Тебе не нужно ничего бояться, Игорь, — сказал мужчина. Его губы двигались почти в такт с вибрирующим воздухом. — Трещина в небе выбрала тебя. Как выбрала всех нас.

— Кто вы? — Игорь отступил на шаг, снова упёршись спиной в пустоту. Он вдруг осознал, что не знает, откуда он пришёл на эту площадь. Чёрной арки за спиной не было. Там была такая же зеркальная обсидиановая поверхность. Он был в ловушке.

— Мы — Эхо, — ответил мужчина. Лёгким, почти небрежным жестом указал на толпу с прозрачными глазами. — А я — Смотритель Перевала. Ты можешь звать меня Элей.

Игорь вздрогнул. Имя ударило его под дых, отозвавшись фантомной болью в висках. Элей. Это имя он никогда не слышал, но оно несло в себе колоссальный, разрушительный смысл, от которого подкашивались ноги.

— Ты сопротивлялся, — продолжил Элей, делая шаг вперёд. Его ноги не оставляли следов на чёрном стекле. — Это достойно уважения. Большинство сходит с ума ещё на стадии марева. Твой разум цеплялся за офис, таблицы. Это очень по-человечески.

— Я хочу обратно, — сказал Игорь. Слова давались с трудом, язык распух. — Отпусти меня. Это не мой мир. Мой мир там, за заливом. Там метро, пробки и дурацкие отчёты.

Элей тихо, мелодично рассмеялся. Смех не был обидным. В нём звучала бесконечная, космическая усталость.

— Обратно нельзя, — мягко произнёс он. — Трещина не работает в одну сторону. То, что ты видел на пляже — чайки со светом в глазницах, синий туман — это не галлюцинация, Игорь. Это просто истончение мембраны. Твой мир и мой на мгновение наложились друг на друга. Ты видел изнанку.

— Я псих, — упрямо мотнул головой Игорь. — Я заработался. Сейчас сяду, закрою глаза, и вы исчезнете.

— Попробуй, — предложил Элей.

Игорь сел прямо на холодный обсидиан. Подтянул колени к груди, как делал это на пляже, и зажмурился.

— Раз, — начал он считать, — я офисный работник. Два, меня зовут Игорь. Три, я живу в спальном районе. Четыре, завтра суббота...

Он открыл глаза.

Элей стоял над ним. Лицо Смотрителя было совсем близко. Вблизи Игорь заметил, что кожа Элея не имеет пор. Она была гладкой, как дорогой фарфор, и под ней едва заметно пульсировала не кровь, а тот самый фиолетовый свет.

— Ты не псих, — сказал Элей. — Психов Трещина отторгает. Они сгорают в ней, превращаясь в ту пыль, что ты видел. Ты здесь, потому что твоя нейронная сеть способна выдерживать нагрузку. Потому что в тебе есть... зазор. Пустота, которую можно заполнить.

— Я не хочу, чтобы меня заполняли, — прошептал Игорь.

— Тебя никто не спрашивает, — впервые в голосе Элея прорезался металл. — Точно так же, как тебя не спрашивали, когда ты родился. Или когда пошёл в школу, надел тот неудобный костюм, чтобы сидеть в офисе. Всю свою жизнь ты был заполнен чужими смыслами. Смыслами начальника, банка, общества потребления. Трещина просто очистила тебя. Выпотрошила.

Игорь поднял голову. Он посмотрел на толпу Эхо. Они стояли так же неподвижно, и их стеклянные глаза отражали бестеневой свет.

— Они тоже... офисные работники? — спросил Игорь.

— Некоторые были ими, — кивнул Элей. — Другие были художниками, солдатами, матерями, убийцами. Здесь нет разницы. Трещина забирает тех, кто достиг предела и чья чаша весов переполнилась. Ты шёл по пляжу не потому, что хотел подышать. Ты шёл умирать, Игорь. Ты просто не осознавал этого. Твоя воля к жизни закончилась в четверг, на совещании, когда директор срезал твой проект, над которым ты работал полгода, одной фразой. Ты просто продолжал двигаться по инерции.

Игорь сглотнул. Ком в горле мешал дышать. Директор. Проект. Да, это было. Но он забыл об этом, затолкал в дальний угол памяти, как привык делать со всем неприятным.

— Если я соглашусь... останусь, я смогу вернуться? — спросил он, сам понимая, насколько жалко звучит этот вопрос.

— Физически — нет, — ответил Элей. — Но ты сможешь вернуться изменённым. Трещина — это не наказание а лифт. Ты застрял между этажами, Игорь. На этаже «Офис» тебе было тесно и душно, а на этаж «Смысл» ты боялся подняться, потому что там нет страховки. Трещина просто обрезала трос.

Элей протянул руку. Его ладонь была тёплой.

— Пойдем. Тебе нужно пройти Инициацию. Толпа Эхо расступится. Они не причинят тебе вреда. Это просто отработанный материал, пустые сосуды, которые ждут тех, кто сможет их наполнить.

Игорь смотрел на руку Смотрителя. На идеальный маникюр. На пульсирующий фиолетовый свет под кожей.

Он подумал о пляже. О настоящем пляже. О том, что через час по трассе поедут первые машины, а дворники начнут сметать листья. Подумал о своей пустой квартире, о холодильнике, в котором нет ничего, кроме засохшего сыра и кетчупа. О своей жизни, которая была не плохой, а просто никакой.

Страх никуда не исчез. Но теперь к нему примешалось что-то ещё. Облегчение. Игорь вложил свою ладонь в руку Элея.

Кожа Смотрителя была не просто гладкой. Она была обжигающе горячей, но этот жар не обжигал — он впитывался, тёк по венам Игоря, вытесняя остатки человеческого холода и усталости.

— Добро пожаловать домой, — сказал Элей, крепко сжав его пальцы.

Толпа Эхо пришла в движение.

Это не был хаос а был идеально срежиссированный, пугающе синхронный манёвр. Сотни людей с прозрачными глазами одновременно повернулись на сорок пять градусов, сделали шаг в сторону, образуя идеальный живой коридор.

Игорь, ведомый Элеем, пошёл по этому коридору. Чёрный обсидиан под ногами отражал их фигуры, но отражение было странным. Фигура Элея отражалась чётко, а вот силуэт Игоря казался размытым, состоящим из клубов синего тумана. Он посмотрел на свои руки — они начали терять плотность. Пальцы стали полупрозрачными.

— Не сопротивляйся, — сказал Элей, не поворачивая головы. — Твоя старая форма распадается. Это больно только эго.

Игорю не было больно, скорее странно. Словно он долгое время носил тесную, натирающую обувь и, наконец, её снял. Чувствовал, как уходят тревоги. Страх за неоплаченную ипо-

теку — он даже не мог вспомнить, была ли у него ипотека. Злость на начальника — лицо директора стёрлось, превратилось в белое пятно. Осталось только чистое восприятие. Холодный свет, звонкая пустота внутри и тёплая рука, которая вела его в центр площади.

В конце коридора возвышался постамент. На нём стоял единственный предмет — идеальный кристалл горного хрусталя размером с человеческое сердце. Внутри него не было включений, но если смотреть под определённым углом, в глубине кристалла билась крошечная, ослепительно белая искра.

— Это Ось, — пояснил Элей, подводя Игоря к постаменту. — То, что удерживает этот сектор реальности от схлопывания обратно в Трещину.

— Что я должен делать? — голос Игоря стал звучать иначе. Тише, объёмнее. Он эхом отдавался от кристалла.

— Ничего, — Элей отпустил его руку. — Просто смотри.

Игорь поднял глаза. Толпа Эхо за спиной Смотрителя снова замерла. Их серые стеклянные глаза были устремлены на него. Сотни пар пустых глаз.

Игорь смотрел на пульсирующую искру в кристалле. Сначала он видел просто свет. Затем свет начал обретать структуру. Искра была не просто энергией. Это была информация. Первичный код.

Игорь почувствовал, как его сознание, лишённое привычного груза памяти и личности, начинает расширяться. Оно потянулось к искре, как пересохшая губка к воде.

Он увидел рождение звёзд. Не красивые картинки из журналов по астрономии, а саму механику — колоссальное давление, скручивание пространства, невыносимый жар и внезапную, оглушительную вспышку тишины, когда зажигается термоядерная реакция.

Увидел, как из остывающей пыли формируются планеты. Как на одной из них, в ядовитом первичном бульоне, первая цепочка аминокислот случайно складывается нужным образом. Чувствовал вкус этой воды. Горький, металлический, пахнущий серой.

Его человеческое «Я» кричало, пытаясь удержать границы, но их больше не было. Игорь был везде. Был тем самым бульоном, гравитацией, стягивающей газ в звезду. Был болью первого живого существа, которого разрывали хищники.

И сквозь этот поток вселенской памяти пробивалась одна-единственная, навязчивая мысль, принадлежавшая ему: «Я просто хотел выпасться».

Элей улыбнулся. В этой улыбке было всё — понимание, сочувствие и бесконечная ирония творца.

— Спи, — сказал Смотритель. — Теперь ты — часть стены.

Искра в кристалле вспыхнула в последний раз, выбросив луч прямиком в зрачки Игоря. Боли не было. Был звук. Звук, с которым раскалённое стекло погружают в ледяную воду. Резкий, звонкий щелчок.

Тело Игоря осыпалось на чёрный обсидиан горсткой тёплого пепла.

В ту же секунду на площади, в шаге от постамента, из воздуха соткалась новая фигура. Мужчина среднего роста, в простой льняной тунике. Его кожа была гладкой, а глаза — светло-серыми, прозрачными, без зрачков.

Он моргнул. Движение век было идеально синхронизировано с морганием сотен других людей в толпе. Фигура сделала вдох. Воздух наполнил лёгкие, которые не помнили ни офиса, ни пляжа, ни имени Игорь.

Элей подошёл к новому Эхо, положил руку ему на плечо.

— Отдыхай, — сказал он. — Скоро твоя очередь держать свод. Трещина в небе снова дрожит.

Где-то бесконечно далеко, в мире свинцового неба и холодного моря, на мокрый песок выбросило тело. Врачи скорой, прибывшие по звонку случайного рыбака, констатируют смерть от обширного ишемического инсульта. В кармане пальто найдут пропуск в бизнес-центр,

ключи от квартиры и смятый чек из кофейни. Лицо мертвеца будет абсолютно спокойным, лишённым всякого страдания, словно он наконец нашёл то, что искал всю жизнь.

А высоко над ним, невидимая для радаров и телескопов, в свинцовой пелене облаков медленно затягивалась тонкая, радужная трещина.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.